

МИХАИЛ УСПЕНСКИЙ
АНДРЕЙ ЛАЗАРЧУК

СОЛЬ САРАКША

ВСЕ ЭТОТ ДЖАКУ

КНИГА 1

Весь этот джакч

Михаил Успенский

Соль Саракша

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Успенский М.

Соль Саракша / М. Успенский — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Весь этот джакч)

Саракш — газовый пузырьёк в бесконечной толще камня. Единственный, неповторимый, герметично закрытый навсегда. Мир, тяжело выкарабкивающийся из последствий атомной войны. Небольшой шахтёрский городок на самой границе обитаемой территории. Здесь добывают соль — она важнее золота. Здесь же проходит граница — которая, конечно, на замке. У выпускников школ не такой уж большой выбор: или на шахты, или в армию. Но пока впереди целое лето, а потом выпускной класс, а вокруг горы и горные озёра, заброшенный санаторий, в котором чудака-профессор проводит эксперименты, и его слуга, будто бы сшитый из разных кусков... И всё бы здорово, но однажды трое школьников едва не гибнут от пьяной выходки садиста-гвардейца, а чуть позже находят в лесу почти обугленного человека в странном комбинезоне с кучей предметов в карманах. Человек жив, но без сознания. Выживая его, школьники и чудака-профессор решают применить старый довоенный ментоскоп, чтобы узнать о пришлое хоть что-нибудь... Тут-то всё и начинается.

© Успенский М.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Последние вакации	6
Дину, князь пандейский	8
Мой старик	10
Гость в дом – Творец в дом	12
Дядя Ори	13
У Творца за пазухой	14
Плот «Адмирал Чапка»	16
Рыба ищет, где лучше	18
Грибалка – золотое дно	21
Дурдом с привидениями	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Успенский, Андрей Лазарчук

Соль Саракша

Я подарил тебе прескверную страну, о мой герой!
Михаил Щербаков

Последние вакации

Все взрослые – или джакнутые, или выродки.

Кроме господина Казыдлу, нашего главного гимназического воспитателя. Потому что он и джакнутый, и выродок в одном теле. Но выродок он не в смысле головной боли («Чему там болеть? У него же там кость!» – как, бывалоча, шутили наши прадеды), а в том, что он именно натуральный выродок. В прадедовском опять же смысле. Ну, вы меня поняли. А если не поняли, значит, вам уже ничто не поможет...

И вот он сейчас стоит перед всей «серой» гимназией, замершей на плацу рядами и колоннами, и вещает в довоенный микрофон, отчего каждое его слово прерывается грохотом посторонних разрядов:

– ...и, наконец, настанет... когда каждый из вас ощутит... частицей Отчизны... ойным сыном или дочерью Неизвестных Отцов, и сер... его переполнит восторг этого единения и счастье единомыслия и единодушия... веются прахом ваша дешёвая ирония и показной цинизм... будете вспоминать о юношеских... и прыщавой фронде с печальной улыбкой. И только в этот день, слившись в патриотическом экстазе... многострадальным народом, вы будете... себя взрослыми людьми...

Бе-бе-бе. Ля-ля-ля. Хорошая у него должность. Не надо ему ни тетрадки проверять, ни учебные пособия своими руками мастерить, ни с нами, чучелами, маяться, как другим, нормальным учителям. Преподы ведь тоже люди, и горбатятся ай да ну как. Мойстарик, например, говорит, что ни в жизнь не поменял бы шахту на учительскую.

– ...окружают нас враги... Бороздят наши прибрежные воды Белые субмарины в смехотворных попытках... лягушачий десант... Возомнившие о себе хонтийские варвары не оставляют... захватить Голоземелье... говорим им: Хонти всю жизнь считалась имперской задницей, да так и осталась ею!

Выпускники, стоящие в первом ряду, хохочут, словно впервые в жизни услышали такое смешное слово. Я имею в виду, конечно, Хонти...

Нет, надо отвлечься. Надо о чём-нибудь другом. Например, перевести взгляд на статую Гуса Счастливого. Обычно она такая нежно-зелёная от патины, а нынче медь её сияет и горит. Под стариной Гусом кресло с очень высокой спинкой. На старину Гуса напялили какую-то хламиду – в такой ни попить, ни повоевать. Старина Гус приподнимается из кресла – то ли появился в дом старый друг, то ли пришёл сдаваться очередной вождь...

Как-то на уроке истории я спросил у Людоедища нашего: а почему, собственно, Гус – Счастливый?

– Да как же не счастливый? – сказал историк. – Во-первых, вообще выжил – при тогдашней-то детской смертности. Во-вторых, от солдата дослужился до маршала. Удостоился личной дружбы императора Цахса. Маленький и ледащенький был, а стал любимцем придворных дам. Включая родную сестру императора. Оскорблённый Цахс приговорил его к смерти, но в последнюю минуту из-под эшафота отправил в ссылку к нам, в Горный край. На верную смерть от стрелы горца. Здесь он из таких же бедолаг-ссылных создал первый отряд «неустрасимых» – лучших воинов тогдашнего Саракша. Потом продал горским вождям партию оружия и науськал их на враждебную Пандею. И сразу же освободил несчастную Пандею от варваров, чем вынудил тамошних владык попроситься в имперское подданство... Столица встретила героя триумфом! И век этого счастливца был долг: он появился на свет под свист арбалетных болтов, а ушёл под грохот первых пушек. Правда, седую голову его снесло нашим же ядром, зато военная наука обогатилась забавным термином «дружественный огонь»...

Не соскучишься с нашим директором!

Только сейчас он почему-то стоит помалкивает. А вот господин Казыдлу разливается:

– ...за горным хребтом притаилась... но трусливая Пандея. С незапамятных времён... на соляные копи Бештоуна, раз и навсегда... героями Сорокалетней войны, чьи шпаги и мушкетеры... наши предки... неизменно отвечали: «Слезами посолите»!..

Шпаги и мушкетеры при Лухте Благоуспешном? А копья и стрелы не хочешь, мутант-недомут? Мог бы и поинтересоваться здешней историей на досуге... Но кто ж его поправит!

– ...все как один... соль солоня от крови героев... будут визжать на штыках... неизбывная благодарность... мудрые и спокойные Отцы... невыносимое бремя власти... слова простой женщины... каменными скрижалями на страницах... без них мы все давно бы передохли... эти грубоватые, но верные... как нельзя лучше выражают...

Без них мы все давно бы передохли. Без них мы все давно бы передохли. Сказала овдовевшая ткачиха из Заозёрного. Они поднимут нацию из пепла. Когда я смогу прочувствовать эти слова всем сердцем, я стану взрослым. То есть примерно через год, в первом ряду...

Джакч, началось! Пошёл духоподъём! Руки по швам, глаза навывкат, голосовые связки на максимум! Изо всех лёгких и нелёгких! В едином порыве! Как один человек!

Нет, всё-таки как два человека. Это святое. Господа преподы и ощутившие себя частицей выпускники выкрикивают «Славу Отцам», а все остальные выводят на голоса «Горную стражу». Потому что вот это уж точно наше. Всем сердцем, всеми каменными, джакч, скрижалями...

А после экзаменов – выпускной бал. «Бал Единения Сердец». Никого из нас туда не пустят, хотя все будут стремиться. А на следующий день пройдёт выпускной бал за рекой, в Чёрной гимназии. «Вороны» тоже не будут пускать своих и, тем более, чужих девятиклассников.

Наши выпускные никогда не проводятся в один вечер. Потому что спасибо, не надо. Однажды попробовали – давно, перед войной ещё, аккуратно Мойстарики заканчивали. Началось-то с братания, да кончилось махаловкой на мосту – сперва наши «сизари» с «воронами», а потом и пограницы с солекопами схватились. Трое калек, один покойник и одна вдова, даже не побывавшая невестой, такой джакч получился. Больше не повторялось.

А в старые времена зачинщиков непременно бы казнили: «Горная Смена и Горная Стража – одна семья»...

Чего выпускники так стараются? Неужели и мы через год будем такими же пучеглазыми петухами, как Чувырла и Гондон, как Кишечник и Вафля? Которые нынче считаются передовая молодёжь, краса и гордость союза «Отчичи» (слово-то какое в древнеимперском выискали!) Отчичи, ой чи-чи, полетели кирпичи. Полетели-полетели, на головку сели... Языковая глухота, сказал по этому поводу Князь.

Что же такое с нами за этот год сотворят? Что же мы такое великое должны осознать, от чего порвётся очко на кидонский знак и шары на лоб ползут?

Зато наши ребята поют спокойно, задушевно и где-то задумчиво. «Горная Стража» – песня для сердца, не для парада... И получается вполне себе разноголосица.

Только мы с Князем даже для сердца не поём. И даже не делаем вид, что. Не до того. У нас свои планы на ближайшие дни. Потому что вакации-то последние.

Дину, князь пандейский

...Когда мы утром встречаемся в умывальной, морда у Князя уже вовсю озабоченная, лоб наморщен, губки собраны в куриную гузку. Юноша мучительно размышляет, каким бы ещё образом опозорить своего папашу, господина полковника Глена Лобату, что командует за рекой погранцами.

Появилась эта весёлая семейка в Бештоуне несколько лет назад. Господина полковника, по слухам, попёрли аж из Боевой Гвардии. Видимо, за гуманизм по отношению к выродкам. Или наоборот, «за нецелесообразную жестокость», как это у них называется. Но, похоже, обошлось без конфискации: барахла привезли три вагона. И в звании не понизили: армейский полковник – Гвардии бригадир.

Господин полковник сперва рожу кривил – мол, запятели столичного аристократа обратно в страну дикарей. Хотя мог бы и гордиться – спокон веку Империя ссылала сюда, под горские стрелы и пули, лучших людей. Об этом все учебники талдычат. Сам Верблибен у нас два срока отбарабанил, написал тут «Узника Чёрной ямы» и вообще...

Господин полковник поначалу требовал, чтобы все бляхи были начищены и амуниция при исполнении строевых артикулов на плацу звякала и грюкала. До этого-то он знал только Приморскую Пандею – и никак не мог въехать, что горный стражник тем страшнее врагу, чем незаметнее и бесшумнее. Что горный стражник может в лесу подкрасться и отгрызть оленю яйца, да так деликатно, что олень спохватится не раньше, чем настанет время гона. Что после отпадения Пандеи Горную Стражу пришлось сколачивать по новой: набирать лесников, лесничих, профессиональных охотников, браконьеров и т. п. И что никаких выродков горные стражники не ловят, а ловят они редких пандейских шпионов и частых пандейских контрабандистов да их здешних сообщников. Если же среди ловимых обнаружатся выродки – тем хуже для выродков...

Но полковнику многое прощают из-за жены. Когда супруга его, госпожа Алька Лобату, навещает мужа в штабе, по всему расположению стон стоит, уж такая она вся... Словом, «Вставляй свой ключик, молвила мне фея». А вся казарма потом три дня занимается под одеялом художественной самодеятельностью.

А если маму сопровождает «еённая дочка», Лайта, возбуждаются уже отцы-командиры – до седых ветеранов включительно...

Что характерно – это то, что Лайта Князю никакая не сестра. Они сведёныши. Госпожа Алька – вторая жена полковника. А первая, которая Князя родила, была чистокровная пандейка. Поэтому его и прозвали Князем. Ведь в Пандее как? Есть в хозяйстве два барана – значит, князь. Пандейцев так и дразнят – «Два барана, сам-третей». Грамотному понятно, что дразнилка древняя...

Имя у него тоже пандейское – Динуат.

Папашу своего Дину-Динуат ненавидит люто, смертно и навсегда. И называет его только «господин полковник». Мне этого не понять, и слава Творцу. Два года я потихоньку вытягиваю из Князя всю подоплёку ихнего разджакча, но так до конца и не вытянул.

До того, как попасть в Гвардию, папаша Лобату служил за Хребтом, в Приморской Пандее, как я уже говорил. Потомственный военный, до тыщного колена офицер. В заштатный гарнизон угодил за дуэль (хотя все они так говорят, а в реале оказывается – или кости накопал, или вестового оттрахал). И свою первую жену попросту стырил, потому что у пандейцев строго. Клёвая пандейка родила похитителю сына и... то ли зачахла от тоски, то ли родня до неё дотянулась, а то ли сам господин Глен сгоряча захлестнул, чтобы не маячила, джакч, вечным укором...

Обо всей этой хрени Князь узнал уже в кадетском корпусе. А просветил его настоящий пандейский шпион с целью завербовать и манипулировать через него ценным для врага полковником Боевой Гвардии. Про шпиона Князь, конечно, приврал: мир и так не без добрых людей. И они всегда рады сообщить соседскому ребёночку, что он приёмыш или вообще незаконный... А здесь наверняка пандейская родня постаралась. Ведь в Пандее как? Зарезать не смогут, так хоть напакосят...

И напакостили. Из кадетов Князь ушёл в пацифисты, при этом ещё публично осквернил мундир на плацу. Обоссался в строю, что ли, спрашиваю. Не уточняет. Но всё равно, сказал, такое не прощается. Да у Лобату-старшего и без него начались такие неприятности по службе, что перевод в Горную Стражу он мог считать за праздник. Должно быть, помогло, что пандейским владел свободно. Чтобы допрашивать пандейских перебежчиков, если таковые идиоты объявятся...

В Бештоуне Князь наотрез отказался жить с отцом и учиться в «чёрной» гимназии, поскольку она тоже с военным уклоном. И пригрозил, что как-нибудь ночью зарежет госпожу Альку, а «еённую дочку» ещё и осквернит предварительно. Ну, тут уж я не переспрашивал. Подходящее слово, на все случаи жизни годится...

Новые неприятности на новом месте полковнику были совсем уж ни к чему, и почапал он через Каменный мост к нам, в Шахты. Спрашивал у людей, не сдаст ли кто комнату. Тут и подвернулся ему Мойстарик...

Мой старик

Мы, Яррики, живём в Шахтах с незапамятных времён. Конечно, первым обнаружил соль в горах Камарей-Удачник, но уж Яррик точно первым к нему нанялся. Никогда Яррики солью не владели, никогда солью не торговали, зато всегда они соль добывали.

Наш пра-пра-пра, Киламон Яррик, во времена Регентства даже возвысился сперва до бригадира, а потом и до начальника смены, успел чуток забогатеть и построить просторный каменный дом, где мы нынче и скачем, как четыре горошинки в тыкве-погремушке. Но потом, как водится, в пивной «Солёная штучка», которая чуть помоложе первого Яррика, этот самый деда Киламон въехал в репу кому-то из хозяйской родни. Такой джакч. Чего-то этот родич не то вякнул. Должно быть, оскорбил рабочую честь, как и положено зажавшемуся соляному магнату. Ну и вернулся пра-пра в простые шахтёры.

Хотя сами солекопы никогда себя «шахтёрами» не называют. Не хотят, чтобы их путали с теми бедолагами, которые добывают уголь. «Лучше красные очи, чем чёрные лёгкие», говорят у нас.

Очи у меня ещё не красные, и брови на месте. Это уж потом, через несколько лет работы, они вылезут, и буду я, как все, носить головную повязку, чтобы пот не заливал глаза. Повязки солекопам обычно вяжут жёны и соревнуются, у кого красивей вышло.

А куда мне идти, как не в шахту, с моими плечищами?

Мы здесь, в Верхнем Бештоуне, вообще здоровый народ, а уж в нынешних условиях и подавно сойдём за цвет нации.

Но давно прошли те времена, когда Ярриков считали дюжинами. Правда, мы успели переродниться чуть ли не со всеми здешними «трудовыми династиями», как пишут в местной газетке «Солёное слово». Родни-то много, но с каждым поколением Ярриков мужского пола рождалось всё меньше и меньше.

Я так вообще остался один, как тот защитник Пятого бастиона в Старой крепости – на самодельном костыле и со сломанной шпагой.

Даром что Мойстарики, то есть Киру Яррика, женили рано (хотя никаких Балов Елинения Сердец тогда ещё и в помине не было), поскольку деда Гунга положил себе целью резко увеличить поголовье Ярриков.

Невесту они с бабкой выбирали долго и придирчиво – «Я в своём доме генетическую помойку разводить не собираюсь!», – говорил деда, прочитавший в жизни множество газет. Схемы какие-то составлял, генеалогические древа чертил, опасаясь близкородственных связей – вот до чего дошло! Это простой-то солекоп...

Искали далеко, да нашли близко – в доме напротив. И, хотя был господин Зинтараш аж целым бригадиром, но кочевряжиться не стал, и дочка его Нила, как миленькая, пошла за Мойстарики. Парень он был видный, пил умеренно. Очень хороша, говорят, была моя мама... И, точно, нарожала бы Мойстарику кучу сыночков, а мне братишек...

Сто раз мне рассказывал Мойстарики об этом дне – и сто раз плакал. Я тоже, джакч, плакал, когда был маленьким.

День был праздничный – Преполовление Года, разгар ясного сезона, верующие славят в храмах и за столами Огненосного Творца, атеисты тоже на стенку не плещут. Дети в карнавальных костюмах птиц шлепаются от дома к дому, кланчат конфеты...

Две семьи – Яррики и Зинтараша – собрались в Нижний Бештоун на фургончике бригадира. Разместились все, в основном Зинтараша, а вот меня, отца и дядю Ори оставили.

Дядю Ори брать было нельзя, я ещё не умел ходить, а Мойстарики накануне сильно проштрафился, и деда Гунга сказал что-то вроде:

– Пусть Нила хоть один денёк отдохнёт от плиты и пелёнок! И Чаки там делать нечего, всё равно ничего не запомнит. Посидишь с ребёнком, не переломишься! В другой раз не будешь с туристами драться и репутацию нашу портить! А ещё семейный человек! Из дому ни ногой, я всё равно узнаю!

Строгая у нас была семья, да вся кончилась.

Никто не вернулся из тех, кто поехал в этот день на праздник в Нижний Бештоун. Солёкпы в отгуле, гимназисты и ребята из ремеслухи... Ну и целые семьи, конечно.

А там, внизу, джакнул первый ядерный взрыв последней большой войны.

О причинах его гадают до сих пор. То ли сбросил бомбу кидонский бомбардировщик, а наша ПВО позволила ему пропереть полконтинента. То ли кидонская ракета показала невиданную до сих пор точность. То ли кидонские агенты собрали взрывное устройство в самом городе. То ли это вообще была провокация третьей страны, а Кидон вовсе не при делах. Всё равно правды уже никто никогда не узнает.

Свидетелей-то не осталось. Кидона, впрочем, тоже. Это было тринадцать лет назад.

Так я стал сиротой, а Мойстарик – бобылём.

В отличие от полковника Лобату, он так никогда и не женился, хотя вдов и одиноких баб в Верхнем Бештоуне было теперь навалом и становилось больше с каждым днём.

Заклинило Мойстарика на единственном сыне. Он меня только что грудью не кормил. И привести мачеху в дом даже не пытался. Придёт, бывало, со смены, а дома никого: я верхом на дяде Ори ускакал в горскую войну играть. Вот Мойстарик и бегаёт по поселку и орёт: «Сыночек! Сыночек!».

Ну, ребята меня так и прозвали. И это ещё я удачно отделался, если вспомнить Чувырлу с Гондоном и прочих «отчичей».

Гость в дом – Творец в дом

Слово «безотцовщина» существует, а вот наоборот – нет.

Принято считать, что без отца сын вырастет или неприспособленной к жизни размазнёй, или полным отморозком, ни в чём не знающим меры. Известно ведь – безотцовщина!

Зато про тех, кто растёт без матери, практически ничего не известно. Нету для таких, как мы, какого-то особого определения. Безматерщина – это ведь какая-то изысканная солекопская речь выходит!

Зато для отмазки, я думаю, отсутствие родительницы ещё как годится: «Господин судья! Мой подзащитный не знал материнской любви! Поэтому не хрен его сажать и вообще беспокоить!»

Нет, мне, конечно, маму страшно жалко. Она, говорят, очень весёлая была и ласковая. Но я же её почти не помню!

Мойстарика мне ещё жальчее, потому что он-то маму вспоминает каждый день...

А вот у Князя как раз всё наоборот. Полковник, поди, и думать забыл про пандейскую княжну, зато сынок оттягивается по этой теме в полный рост, хотя помнить может ну никак не больше моего.

Но вот как-то нашли Мойстарик и полковник Глен Лобату друг друга и договорились, что Дину Лобату будет проживать в нашем маленьком мужском монастыре до окончания нашей «серой» гимназии за соответствующую ежемесячную плату. Яррики от денег не отказываются.

Познакомились мы с Князем так.

Сижу это я в гостиной за столом и пытаюсь из трёх радиоприёмников разных поколений собрать один действующий. Зачем – сам не знаю. Должно быть, соскучился по духоподъёмным передачам радиостанции «Голос Отцов», другого разумного объяснения не нахожу.

Мойстарик, уходя на смену, предупредил, что будет гость.

И стал гость.

Входит без стука высокий тощий типчик в каком-то лиловом мундирчике с галунами, кудри чёрные, скулы торчат, щёки впалые, красная атласная лента завязана бантом на шее под кружевным воротничком – прямо юный поэт-аристократ времён Регентства из картинки в учебнике, бледный реакционный романтик, гордо чапающий на виселицу за правое дело свободы.

Оглядел меня с ног до головы и говорит:

– Приветствую тебя, о названный мой брат!

– Не знаю, – говорю. – Как получится, джакч.

– Получится, и даже непременно, – отвечает. – Недаром же у нас, князей пандейских, обычай есть – воспитывать дитя в семье простой, дабы не прерывалась связь с народом...

Ну как тут было не встать да не дать ему со всей дури по морде?

На беду мою, оказалось, что в кадетском корпусе тоже неплохо учат драться. Через какое-то время Дину Лобату уже сам сидел на мне и слишком уж туго бинтовал мою шею той самой атласной лентой утончённого поэта-романтика.

На шум прибежал дядя Ори, отодрал от меня джакнутого душителя и шарахнул его об стену.

Дяде Ори всё равно ничего не будет, подумал я, а с незванным гостем покончено...

Но Дину Лобату, сволочь недобитая, всё-таки пришёл в себя и сказал:

– Не, ну нормально у вас в доме людей встречают...

– Ясен день, нормально, – отвечаю. – У нас только дядька ненормальный... Корягу давай, князь хренов!

Так мы и закорешились.

Дядя Ори

Вся «серая» гимназия мне завидовала ещё с первого класса. Потому что ни у кого больше не было безумного родича. Герои были, маньяки были, выродки были, и даже композитор один, но чтобы уж совсем ку-ку – такого не водилось.

Ори Яррик старше Мойстарика на семь лет, но деда Гунга даже не пытался его женить – такой своенравный у него получился первенец. Хотя был он первый жених и вообще самый здоровенный парень в Шахтах, но многие говорили, что он плохо кончит...

Потом он ни с того ни с сего добровольцем ушёл в армию, попал в самые гиблые войска – в Береговой Патруль, отражал первый десант с Архипелага, но умудрился не получить ни царапины и вернулся в шахту героем.

Однако кончилось всё и вправду плохо – для дяди Ори, разумеется, а не для тех, кого он спас. Был взрыв, был пожар (что там долбануло, так никто народу толком и не объяснил – может, и вправду пандейские диверсанты просочились), был завал – а он, обгоревший, выбрасывал людей из забоя в коридор, пока очередная глыба не отрезала его и ещё четверых.

Откапывали их две недели и, конечно, не надеялись найти живых («Соль съела!» – говорили в таких случаях), но дядька выжил – только поседел и джакнул.

На людей он, к счастью, не кидался, не рычал и не воображал себя маршалом Армали. По большей части он молчал и слонялся по дому, наводя порядок. Каждой вещи положено было лежать на своём месте или висеть на своём крючке, или таиться в своём ящике.

Когда я был совсем маленький и совсем дурак, я развлекался тем, что менял разные вещи местами, прятал их где попало, и дико хохотал, глядя на его страшноватую физиономию. Пластических хирургов у нас не было, а потом ведь вообще война началась...

Покончив с порядком, дядя Ори садился в плетёное кресло среди двора и читал газету «Солёное слово», держа её почему-то вверх ногами. Хотя откуда у газеты ноги? Но так говорят. Газета могла быть при этом десятилетней давности. Интересно, но в бытность свою нормальным солекопом дядька печатным словом вообще не интересовался, и даже ремеслуху в своё время бросил...

Когда Мойстарик изредка ходил в пивную «Солёная штучка», он всегда брал старшего брата с собой. И худо было чужаку или новичку, который вздумал бы приколоться по поводу дядьки...

Самое серьёзное безумство, которое позволял себе Ори Яррик, проявлялось обычно на какой-нибудь праздник. Дядька незаметно выскальзывал из дому, прибегал на одну из двух городских площадей – в Шахтах или в Военном городке, ему было без разницы – снимал с себя всё, кроме головной повязки с именем и начинал прыгать и выкрикивать политически двусмысленные лозунги вроде «Неизвестные Отцы – нашего счастья кузнецы!» или «Народ, не сцы – на страже стоят Отцы!» до тех пор, пока к нему не подходил кто-нибудь и не уводил его за руку. Чаще всего это были вдовы и солдаты – полицейские попросту не успевали.

В общем, когда дядя Ори не приходил ночевать, Мойстарик и я не сильно переживали – небось, не в канаве спит и не в кутузке!

«Удачная рекламная кампания!» – говорил Князь про такие обострения.

«Подика, и покормят его там!» – мечтал бережливый Мойстарик.

Дядькину пенсию и денежки квартиранта он старался не трогать – копил на мою будущую учёбу где-нибудь в столице.

Нужна мне сто лет ихняя столица!

Никуда я не хочу отсюда уезжать. Мне и здесь неплохо.

У Творца за пазухой

– Я гляжу, война вам вообще пофиг была, – ляпнул однажды Князь, и мы опять как следует отполировали друг дружке рожи.

Как же пофиг, когда практически каждая семья кого-нибудь да потеряла в Нижнем Бештоуне!

Потеряли мы и сам Нижний Бештоун. До войны (в детстве я думал, что Довойны – это такая страна, где есть всё-всё на свете) жизнь шахтинского работяги сводилась к тому, чтобы в горах деньги зарабатывать, а в долине их тратить.

«У солекопа полный массараکش: демоны – вверху, ангелы – внизу», – говорили тогда.

В пивной «Солёная штучка» Мойстарики, его ровесники и те, кто постарше, непременно вспоминали, какие там, в Нижнем, были рестораны и весёлые дома, какие шикарные дворцы и парки, какие огромные стадионы, какие богатые магазины... Университет, в котором учились студенты с половины Саракша... Театры и музеи тоже вспоминали – а как же! Небось, горняк – не фермер тупорогий, в скатерть не сморкается! Сюртуки, визитки и фраки до сих пор в сундуках лежат, моль питают!

А слепой дед Пихту за пару кружек мог пропеть знаменитую арию Печального Принца из одноимённой оперы божественного Рино Малькузи: «Вставляй свой ключик, молвила мне фея»...

На уроках обществознания нам объясняли, что оба города, Нижний и Верхний, явились го-су-дар-ство-об-ра-зу-ю-щим (во!) компонентом будущей Империи. «Стол, дом и жильцы возникли вокруг солонки», – гласила поговорка.

Нехило жили на соли, чего уж там. Всем на зависть. Конечно, редкий солекоп мог разбогатеть до того, чтобы под старость лет отстроиться Внизу, но и такое бывало. А бывало, что всё накопленное спускал в игорном доме. Или выбрасывал на актрис.

А я всегда донимал Мойстарику, чтобы рассказал про Саракшар. Прямо повернулся на нём. Буклет с фотографиями я истрепал в лоскуты, и требовал всё новых и новых подробностей.

Саракшар в Нижнем Бештоуне был самый большой в мире. Больше столичного. Соляные магнаты хотели переплюнуть всех – и переплюнули.

Высотой он был с двенадцатизэтажный дом. Всеимперский тянет примерно на десять. Правда, его и построили-то совсем давненько...

Сперва посетитель покупал билет, рассказывал Мойстарику. Билеты надо было брать заранее, а ещё лучше – заказывать через контору в Шахтах. Потому что очередь туда была под стать нынешним очередям за хлебом в столице.

Отстоял – предъяви билет, заходи в лифт. По шесть человек. Поднимается он до середины строения. Из лифта ты выходишь на галерею, она опоясывает изнутри всю конструкцию.

Посередине Саракшара в туманном облаке сияет Мировой Свет. А под тобой, над тобой, по сторонам – проплывают страны и континенты, леса и пустыни, реки и горы, моря и города Саракша, и выполнены они со всеми подробностями. За дополнительную плату можно взять напрокат бинокль и рассмотреть как следует... да хоть свои родные места.

Мойстарики говорит, что увидел даже наш дом в малюсеньком Верхнем Бештоуне. Ну, не знаю. Теперь ведь не проверишь. Я бы точно такое же говорил.

...Звучит тихая такая музыка, и невидимый учёный грузит народ байками о географических открытиях, о великих путешественниках, о чудесах мира. Тут тебе и циклопические ступени храма Солохан в Антейе, и знаменитый мост Арка Инара, перекинутый через Голубую Змею, и Спящий Лик пустыни Так-Талик... Посмотрите налево, оглянитесь, запрокиньте голову...

День и ночь внутри Саракшара меняются побыстрее, чем на самом деле – не сутками же там стоять! Хотя маленький Мойстарики, дай ему волю, стоял бы наверняка...

А кончается осмотр так: Мировой Свет внезапно вспыхивает ярко-ярко – и медленно меркнет. А моря с континентами плывут, текут, плаваются, струи начинают перемешиваться, горы оседают, леса валяются, города рассыпаются, всё становится каким-то серо-бурым – таков, надо понимать, цвет Первоматерии... Потом свет разгорается снова, в бурой смеси возникают какие-то пятна – и сеанс окончен. Потому что даже самые учёные люди не могут вообразить, каким станет Саракш после очередного Обновления. Всё просто и понятно без всяких учебников.

На выходе каждому вручают сувенир, уменьшенную копию уменьшенной копии Саракша – Саракшарик. Один такой до сих пор хранится в нашем доме. Как только я его не кокнул – сам удивляюсь. Правда, он уже не крутится и не подсвечивается.

Да и всё равно там ничего толком не рассмотришь – ты же снаружи.

Князь говорит, что в развалинах столичного Саракшара сейчас живут малолетние бандиты, бродяги и наркоманы. Власти пока не до познавательных аттракционов...

И всё-таки отчасти прав господин Динуат Лобату: в Верхнем Бештоуне мало что изменилось, только за рекой появился военный городок. Так ведь всё равно там раньше были казармы Горной Стражи.

Народу, конечно, стало поменьше, туристы исчезли, чужаков здесь теперь не жалуют – самим ничего не хватает. Закрылись десятки кафе и кабачков. И вообще, к нам так просто не приедешь. Особая зона. По железнодорожной ветке ходят только освинцованные товарняки да специальные электромотриссы, если кому из начальства приспичит. А ехать через лавовое поле, в которое бомба превратила Нижний, дураков нет.

Но всё равно нам грех жаловаться, когда чуть не вся остальная Страна Отцов ещё в руинах, и восстановлению не видно конца.

А, да – не фуниклирует больше шикарный санаторий «Горное озеро», где лечили до войны богатых психов, – и накрылась куча рабочих мест.

...Вот туда мы с Князем и отправимся, когда закончится это долбанное джакнутое душеподъёмное построение!

Может, сегодня. А может, и не сегодня...

Плот «Адмирал Чапка»

Есть такая грустная поговорка – мол, от всей авиации старой Империи осталась только застёжка «молния». Её действительно придумали в своё время специально для пилотов.

А от флота Империи сохранилось и того меньше.

Уму непостижимо, как мог водолазный плот с огромного имперского авианосца «Адмирал Чапка» попасть в наши горные края.

Непонятно, почему он вообще уцелел!

Хотя сам адмирал Эрон Чапка, судя по книгам, был великий мастер выживания. Последний свой флагман утопил, хотя сам не утонул, выбрался на берег, явился во дворец с петлёй на шее и с очередным проектом в кармане. Дважды был разжалован в матросы. Все сражения Островной кампании проиграл, но странное дело: победители с Архипелага запросили мира на наших условиях!

Может быть, плот тоже не пожелал тонуть вместе со всем остальным авианосцем, порвал крепёж и выбросился на берег с первым же подходящим штормом или взрывной волной? И его ещё ждут славные победы...

То, что это именно водолазный плот, мы поняли, не совсем же тупые. Два поплавка, палуба с квадратным люком посередине, дырки от болтов там, где крепились лебёдка, стойка для баллонов с газовой смесью, выемка для движка на корме.

Движок, лебёдку и баллоны, конечно, добрые люди сняли первым делом. Всё флотское отличается надёжностью и долговечностью. Наверняка движок ещё пашет на чьём-нибудь катере. Причём питающий элемент вряд ли выработался. Довоенное же всё, качественное!

Представляю, как ругались пограничники, когда в вагоне с воинскими грузами вместо чего-то, выписанного для пользы дела, обнаружилось это чудо морское! А в накладной-то, говорят, новенький внедорожник значился... Наверное, жалобами завалили военную прокуратуру!

Ободранный мародёрами плот с гордым флотским именем не стали даже доставлять в военный городок – сразу выбросили на городскую свалку. Она у нас на крутом речном берегу. Когда мусора скапливается слишком много, приползает бульдозер и ножом сметает всё в бурные воды Юи. Это, конечно, нехорошо, и все на власть ругаются, но заниматься переработкой отходов никто не хочет.

Как-то в выходной мы с Князем стояли на берегу.

– Светлейший, – говорю. – Как ты думаешь, доплывёт этот плот до Верхней Сальмы, ежели столкнётся с водой?

Князь, уже более или менее обжившийся в наших местах, отвечает уверенно:

– До Верхней доплывёт...

– А до Нижней? – спрашиваю.

– Нет. До Нижней не доплывёт. Его на Зубках Демона расколошматит, массараکش... Потому-то никто на него и не позарился!

Правильно говорит. С пониманием вопроса. Это я во флотских делах не разбираюсь – нам, горным козлам, оно и ни к чему. Из всей морской темы я знаю только припев «Марша Берегового патруля»: «Не боимся Белых субмарин, Белых субмарин, Белых субмарин...». А Князю в его кадетском училище принудительно расширяли военный кругозор...

– Да, толком-то не прокатишься, – говорю. – Вот если бы это надувная лодочка была. А с такой дурой...

– И всё-таки хорошо бы этого адмирала Чапку к делу пристроить, – говорит Дину. – Великий был флотоводец, так уж он островных крыс причморил на Архипелаге, что про них и не слышно было...

– Тяжелый, джакч, – говорю.

- А ты дядю попроси.
- И что мы с ним делать будем?
- С дядей?
- С плотом!
- Ну, я не знаю, – говорит Князь.
- И вдруг за спиной слышим:
- Зато я знаю!

Рыба ищет, где лучше

Если зажмуриться, когда слышишь речь Нолу Мирош, можно подумать, что с тобой, убогим, общается самая прекрасная принцесса на всём Саракше.

Зато когда разразжмуришься, сразу наступает резкий облом.

Не то, чтобы Нолу страшная. Нет. Страшных девушек у нас в гимназии хватает. (Это «чёрные» учатся отдельно, а в Шахтах живут люди экономные). Вовсе нет. Просто когда на неё глядишь, на ум приходит только одно слово – «рыба».

Приходит на ум это слово всем. Должно быть, даже бабка-повитуха, принимавшая маленькую Нолу, точно так подумала, хоть и не стала говорить. И если бы нашу одноклассницу повстречал какой-нибудь совсем уж посторонний чужак, он бы тоже подумал на своём чужацком языке: «Ну чисто рыба!».

Наконец, и сами-то рыбы, умеи они говорить, хором бы рявкнули: «Наша!»

Нолу, в отличие от нас, полная сирота. Её родители пропали без вести, когда ей было десять. Не на войне, не в гиблых землях. А просто взяли и пропали на лесной дороге. Вместе с повозкой и осликом. Они ехали к родственникам-фермерам – отвезти подарки, привезти земляных яблок. Всё-таки дешевле, чем на рынке! Видно, польстилась какая-то горская нелюдь на гостинцы.

Сиротского дома в нашем городке нет. И никогда не было. Любому сироту найдут, куда пристроить – хоть к самой дальней родне.

Говорят, что такое отношение к сиротам у нас от пандейцев. Возможно. Не худший, конечно, обычай.

Кстати, Рыба могла бы и в наш дом попасть, поскольку приходится она мне многоюродной сестрой или там тёткой через тридцать три солекопских хрена.

Но была у подруги нашей родная бабка, и такая уж там бабка, что никакого дедки не надо...

Так что Рыбе тоже с прозвищем повезло – могли и Горной Ведьмой навеличить. Потому что бабуся-то её – известная ворожея, колдовка, знахарка и вообще личность выдающаяся. В старые времена её непременно бы утопили в рогожном куле из-под соли. Да и нынче таких желающих немало. Но солекопы не дадут: она замечательные обереги мастерит – от завала, от пожара, от соляных крыс... Её собственный сын, Рыбин папаша, был крепко заговорён, и все норовили его в свою бригаду переманить: авось рядом с ним и другие уберегутся...

Рыба и сама, по её словам, кое-что может, хоть Князь над ней и посмеивается.

Тогда она говорит:

– Ладно. Если возьмёте меня в свою команду, научу вас одному заклинанию – ото всего помогает! Даже от сглаза на соль!

И научила. Заклинание было простое и короткое:

Стану дождём и камнем,
Стану огнём и ветром.
Соль рассыплется по камню,
Соль развеется по ветру,
Соль растворится в дожде,
Соль закалится в огне.

И действительно, помогало. Особенно в драке. Пока его повторяешь – можно сосредоточиться и действовать хладнокровно...

– ...Душевная девка, да только несексуальная какая-то, – сказал я однажды Князю.

– Просто ты, Сыночек, путаешь сексуальность с доступностью, – ответил господин аристократ.

– Ну конечно, – сказал я. – Это ты мачеху свою имеешь в виду или сеструху названую?

И опять мы друг дружку слегка поуродовали. Не из-за Рыбы, нет – ещё не хватало! Просто давно не махались, а форму-то нельзя терять! Враги же кругом!

Только Нолу всё это пофиг. Она из себя красавицу не строит. Она знает, что на Балугенин Сердце никто её имени не назовёт, а если и назовёт кто, так будет это какой-нибудь полный ублюдок из «Отчичей». Она бесприданница, а бесприданница в семье мужа всё равно что рабыня.

Да она и сама не хочет замуж. У неё свой заскок – уехать из Верхнего Бештоуна в столицу. Она всё про эту джаканную столицу знает. Все улицы и площади. До войны и после. И намерена свалить туда. Любой ценой. В отличие от меня, я-то зубами буду цепляться за отчий дом...

– Уеду, – говорит. – Буду сперва хоть нянечкой в больнице работать, хоть горшки выносить. Потом сдам на медсестру. Потом устроюсь сиделкой к богатому старику... Только бы не видеть этого солёного посёлка и ваших солёных физиономий!

– Ой, радость моя, – сказал, помнится, Князь. – Богатых в столице нынче мало, а до старости и вообще редко кто доживает...

– На мою долю хватит!

И ведь добьётся своего! Пока мы собак пинаем, она после школы бежит или в городскую больницу, или за реку в госпиталь. Учится сестринскому делу. А по выходным вместе с нами – в санаторий «Горное озеро» к доктору Морю. Но мы-то там книжки читаем или вообще валяем дурака, а она доктора с помощником донимает вопросами про разное медицинское оборудование – в санатории его навалом.

Когда она в первый раз увязалась за нами в санаторий, мы слегка приджакнулись. Девчонка, по доброй воле – в «Горное озеро»! Где жертвы резни по ночам стонут! Где огоньки из земли выныривают! Где на мутанта можно нарваться! Где, наконец, доктор Мор своими загадочными делами занимается... Да туда парня далеко не всякого затащить можно, на полдороге сбегает...

А когда она без писка и жалоб добралась до санатория и первым делом разыскала доктора, мы её вообще зауважали. И сам господин Мор Моорс посмотрел на нас этак... укоризненно.

А история про велосипеды! У меня-то была старенькая «Юность», Мойстарик на ней толком и не покатался – окончил гимназию и сразу пошёл на соль, а после смены на весёлые прогулки как-то не тянет.

Велосипед же Князя остался в военном городке, а сходить за ним, естественно, гордость не позволяла. Ну, и я тоже пешедралом – из солидарности.

Нолу ходить пешком всё-таки не понравилось – так далеко и так в гору!

– Да сбегая я за твоим великом! – говорит. Рассчитывала, видно, что Дину будет возить её на раме своего роскошного «Горного барса» ручной сборки.

– Ты, девушка, джакнулась! – отвечает Князь. – Моя мачеха тебя спустит с лестницы. А так называемая сестра может и кислотой плеснуть, она кислотой бородавки в паху прижигает! (То есть он-то право имеет про Лайту гадости говорить, а я – не моги!)

– Творец не выдаст! – бодро сказала Рыба и вприпрыжку отправилась к мосту.

Вернулась она, трудно поверить, с двумя велосипедами. Один Князев, другой дамский.

– Госпожа Лайта подарила, – объясняет. – Ей он не нужен: боится, что икры станут чересчур мускулистые... Очень милые девочки, мы приятно так поболтали...

А общение с нами репутации Нолу Мирош никак не грозит: коли ходит с двумя сразу, стало быть не трахается ни с одним...

...Обернулись тогда на берегу мы с Князем.

Она, рыбонька наша...

– И чего ты знаешь?

– Мы с этого плота будем собирать озёрные грибы на Ледянке!

Ну, она и сказанула!

Грибалка – золотое дно

Люди, которые живут внизу, наверняка забыли вкус озёрных грибов. Их и до войны не все могли себе позволить.

Да и то, что горожане кушали до войны, трудно назвать настоящими озёрными грибами. Лопали они натуральный джакч. Потому что росли те грибы в тёплых искусственных прудах, на химической подкормке и были мягкие, дряблые, безвкусные... И наверняка вредные!

Иное дело – грибок, добытый в высокогорном озере, где вода ледяная, а все нужные вещества доставляются из подземных родников. Говорят, это да. Говорят, это нечто. Крепкие, ядрёные, душистые.

Вот как раз такие и водятся в одном из Диких озёр, которое зовут Ледянкой.

Когда шикарный дурдом «Горное озеро» ещё фунициклировал, там держали специальных людей – грибаков. Из особого горского племени. И эти горские грибаки работали исключительно на санаторную кухню. Разве что под праздники пограницам удавалось немножко выпросить для офицерской столовой...

Но началась война, и кончилось всё остальное. Горцы, не дожидаясь обязательной традиционной резни, сбежали. Своё хозяйство при этом старательно привели в негодность – чтобы не досталось проклятой Империи...

Так что древний промысел придётся возрождать с нуля.

Всё это нам рассказала Рыба, а ей, в свою очередь, поведал подручный доктора господин Айго. Горбатый весь и перекошенный такой.

Сами-то мы про эти грибы думать не думали. Конечно, неплохо бы меню разнообразить, да кто ж в такую воду полезет?

– Я и полезу, – сказала Рыба. – А вы меня с плота будете страховать. Плот лучше лодки. Лодка может перевернуться. Да и лодки там сплошь негодные, я смотрела... Психи их все порубили, когда персонал извели...

– И что нам с тех грибов будет? – спросил я.

– Я рынок изучила туго, – сказала Рыба. – Дюжина грибов – два зено, причём именно серебрушками, не купюрой.

– Так их не только продают, но и принимают дюжинами? – удивился Князь. – А я-то думал... Ух ты... Серебрушка...

– Ну, нам-то придётся сдавать подешевле, – сказала Рыба с большой досадой. – Договорюсь с проводниками, они возьмут наш товар в морозильный вагон – и прямо в столицу. Любой ресторан с руками оторвёт...

– А не проще будет их здесь реализовать? В «Солёной штучке» или у пограниц?

– Не проще, – сказала ушлая Рыба. – Ну, сдадим мы их за бесценку в «Солёную штучку». Тогда господин Энти Харош сам договорится с проводниками, да и кулинар-корнет Краку не станет такое добро стравливать личному составу и даже господам офицерам, потому что жадность прежде него родилась... Он вообще курьерскую службу подключит – будут товар в опечатанных кейсах возить, секретными бумагами перекладывать...

– Жалко, – сказал Князь. – А то бы я в военном городке торговал грибами с лотка – ой как стыдно бы стало господину полковнику! Хоть стреляйся!

– Обожди, Нолу, – сказал я. – Мы их что – кулями будем заготавливать?

– Я всё продумала, – говорит и смотрит на меня, как на несмышлёныша. – Во-первых, уже много лет никто в Ледянку за грибами не нырял. Расплодилось их там немерено, а это вредно для самих же грибов, их прореживать надо. Во-вторых, в санатории работают большие холодильники, я проверяла. То есть не работают, потому что пока не подключены, но генератор там сами знаете какой зверь. Сперва будем складывать товар туда, а потом наймём грузовик

и привезём на станцию... И солить будем сами, благо соль дармовая, травки тоже... Точно! И за соль ещё накинём! Внизу-то она ой недешёвая!

Всё-то наша рыбонька продумала!

– Обожди, – опять говорю я. – Всё ты, рыбонька, продумала, кроме одного: мы грибочить-то не умеем! Это же целое ремесло! Да ещё забытое!

– Я что – джакнутая? Я в городской библиотеке популярную брошюру нашла, называется «Грибалка – золотое дно»! Серия «Для начинающих»...

Я прикинул. Плескаться в Ледянке, конечно, невеликое удовольствие. Зато если рыба затея выгорит, мне не придётся все каникулы разносить пиво в «Штучке». Потому что не ехать же здоровому дылде в детский лагерь. А подсобником на шахту меня без отцовского разрешения не возьмут – Мойстарик зверски не хочет, чтобы я пошёл по фамильной линии: «Хватит, Яррики свою соль отработали!»

Только не стану же я сидеть на родительской шее все вакации! Тем более что Князь договорился в той же пивнухе мыть посуду, поскольку это будет особенно обидно для господина полковника...

Но ведь заготовка озёрных грибов для военного аристократа – тоже достаточно позорное, чисто дикарское занятие!

Согласился я с Рыбою «в сердце своём», но говорю этак небрежно:

– Можно, конечно, попробовать, в лоб не дадут... А вот как мы этот плавучий танк на озеро доставим?

– На грузовике, – отвечает Рыба.

– Да какой джакнутый недомут туда поедет?

Дурдом с привидениями

Заброшенный санаторий «Горное озеро» пользуется очень дурной славой. И мы с Князем свои походы стараемся особенно не афишировать. Запретить, конечно, нам никто не может, да и репутацию в гимназии это укрепляет, но... можно прослыть таким же психом, как прежние обитатели этой бывшей душевной здравницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.